

Б.М. ФИРСОВ

КУЛЬТУРА И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Культура в СССР изначально регулировалась «сверху», вне зависимости от того, какой официальной терминологией партия и государство при этом пользовались (культурная революция, культурный фронт, культурное строительство, выравнивание культурных различий и т. д.). Превращение культуры в средство классовой борьбы и «служанку политики» (В.И. Ленин), сделало ее крайне консервативной. Противопоставление гуманистического марксизма сталинским «искривлениям», к которому партия прибегла в последний период своего владычества, не изменили ситуацию. Как следствие, советскую культуру чаще всего идентифицируют с «особыми культурами», под влиянием которых возникли такие устойчивые культурно-символические и культурно-антропологические схемы как «советский простой человек» и человек постсоветский.

В недрах культуры послесталинского, но все еще авторитарного общества активно выстраивалась «нонконформистская» культура, носителями которой были участники правового и культурного Сопротивления. Умеренное социальное и культурное размежевание, характерное для 50-х годов и периода «оттепели», в конце 80-х годов приобрело совсем иные масштабы.

Культурная дифференциация стало особенно ощутимой сейчас, однако в отличие от всех предшествующих периодов она определяется не столько регулирующими воздействиями «сверху», сколько культурными предпочтениями «снизу». Принудительной изоляции страны от окружающего мира более не существует. Российское общество и государство включены в мировой цивилизационный процесс. Но население страны, включая значительную часть элиты, оказавшись без средств интерпретации прошлого и ориентиров на будущее, не смогло критически оценить достоинства и недостатки заимстvue-

Фирсов Борис Максимович – доктор философских наук, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге. **Адрес:** 191187 Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3. **Телефон:** (812) 275-51-37. **Факс:** (812) 275-51-39. **Электронная почта:** firsov@eu.spb.ru

Статья подготовлена на основе выступления на VI Международном конгрессе ICSEES в Тампере 29 июля – 3 августа 2000 г.

мых извне форм жизни. Может ли народ добровольно поддержать эти заимствования и примирить с ними социально-культурные доминанты (архетипы) досоветского и советского периодов? Станут ли эти заимствования «своими» настолько, чтобы войти в структуру национальных ценностей? Вот ключевые для России вопросы. Поиск общепризнанных ценностей путем консенсуса составляет специфику нынешнего периода развития российской культуры.

Культура как зависимая переменная

Букварь – гипертекст идеологизированной культуры. Важнейшее свойство культуры – ее континуальность – обязывает рассматривать культуру современной России, не отрывая ее от советской системы, которая базировалась на идеологии. В условиях СССР идеология существовала в превращенной форме и, утратив свои генетические черты (система взглядов, философская доктрина), превратилась в технику индоктринации коммунистических идей, штампов и стереотипов коммунистического мышления, которые, по образному выражению А. Солженицына, «изуродовали всех нас, почти не оставив неповрежденных умов» [1, с. 8].

Индоктринация носила тотальный характер, с ее помощью формировался менталитет многих поколений советских граждан. При этом культура выступала в роли одного из ее самых важных инструментов. Яркой иллюстрацией этого положения является советский букварь, в котором содержался самый емкий, может быть, образ культуры. Букварь держали в руках все ныне здравствующие граждане, и, следовательно, все без исключения прошли через данный вид идеологического облучения. А. Щербинин назвал буквари *режимным* (выделено нами. – Б. Ф.) компасом для юного человека 1930–1950 годов, входившего в политический мир, или «самым кратким курсом ВКПб» [2, с. 117]. Эти путеводители по миру задавали стандарты поведения школьника эпохи победившего социализма, структурировали этот мир, деля его на «наших» и «чужих», учили героизму, беззаветной любви к вождям, внушали идеи безграничной жертвенности, готовили к войне, делали специальный акцент на «врагах народа» и, уж конечно, живописали картины безрадостной жизни детей в капиталистических странах.

Пособия для учителей повышали эффект индоктринации. Опытом полагалось делиться со всей возможной для тех времен искренностью: «Я открыла плакат, на котором изображена тюрьма. Рассматриваем мрачную тюрьму с крепкими железными решетками, сделанными для того, чтобы заключенные не могли выбраться из темницы через окно... Около тюрьмы, в сопровождении толстого и злого полицейского, прислужника капиталистов, стоят заключенные со скованными цепью руками» [2, с. 127]. Развернув другой плакат под многообещающим заглавием «у нас» и «у них» учительница продолжает: «Там папа и мама безработные. У них на руках голодные умирающие дети. У них нет денег и нет квартиры. Им некуда идти. Они стоят около тюрьмы. У нас – много фабрик и заводов. Папа с мамой, веселые и нарядные, вывели гулять розовую толстенькую девочку. У них в руках игрушки. Они счастливы». Не стоит недооценивать силу инерции советской системы воспитания. В 1991 г. можно было без особых усилий обнаружить следы настоячивых попыток индоктринации ленинской тематики. Вот эти темы-

координаты: «Нас называли октябрюта в честь победы Октября», 1 класс; «Ленин – вождь Великого Октября, организатор первого в мире социалистического государства», III класс; «В.И. Ленин – учитель и друг трудящихся всего народа», IV класс [2, с. 132].

Культура и закон социального иллюзионизма П.А. Сорокина. Идеология, так прочно укорененная в текстах культуры, осуществляла в советском обществе еще одну важнейшую функцию – инфантилизацию советских граждан [3, с. 238]. В итоге планка требований к социальным, прежде всего, качествам людей оказалась заниженной. Инфантильные люди и культура, поддерживающая этот инфантилизм, до сей поры не имеют адекватных реакций на одну закономерность, обнаруженную П. Сорокиным. Он утверждал, что крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем притягательных лозунгов «восстановления социальной справедливости», «демократии», «свободы» и т. д. В подобных случаях, особенно в момент начала великих преобразований, большинство людей, так или иначе участвующих в них, верят в то, что эти преобразования приведут, наконец, к осуществлению великих идеалов. Но вместе с тем, как заметил наш знаменитый соотечественник еще в 1922 г., «ни одно из этих движений не осуществляло в сколь-нибудь серьезном масштабе выставленных идеалов» [4, с. 192]. Все помнят и вдохновлявшие нас грандиозные лозунги периода перестройки и первых лет строительства новой России. Но, право, это же о нас пророчески писал Сорокин, вспоминая лозунги революции 1917 г.: «Из одного края великой земли русскою до другого проносились они, заражали миллионы, зажигали их огнем энтузиазма и фанатизма, будили и опьяняли их и возбуждали великую веру к себе и в себя. Казалось, великий час пробил. Вечно жданное наступает, мир обновляется, и «синяя птица» всех этих ценностей в руках... История еще раз обманула верующих иллюзионистов. Поистине «слепые вели слепых, и все упали в яму» [4, с. 193]. Правда, в своих комментариях Сорокин заметил, что бескровные революции могут иметь иную перспективу.

Эволюционный путь изменений повышает шансы на достижение идеала. Напротив, радикальное реформаторство, как правило, делает ценности и идеалы, включенные в программы коренных преобразований, иллюзорными [5, с. 329]. Попытки посредством скачка перейти от декларируемого идеального к реальному, резкая смена идеалов, нигилистическое отношение к предшествующим социально-культурным и идеологическим смыслам могут лишь временно вызвать энтузиазм у народа. Затем неотвратимо наступает время возрождения «устоявшихся» ранее или соответствующих им образов поведения. Культурный фактор имеет здесь первостепенное значение, обеспечивая терпимость по отношению к изменениям, равно как и сохранение традиций и опыта предшествующих поколений.

Культура и закон позитивной и негативной поляризации П.А. Сорокина. Интегральная теория человеческой личности, предложенная П. Сорокиным, не отрицает, что человек является животным организмом и обладает «бессознательным», рефлексивно-инстинктивным механизмом тела. Однако главное в человеке – способность выступать сознательным, рациональным мыслителем и сверхсознательным творцом, и потому он не может быть средством для чего и кого бы то ни было [6, с. 142–143]. Как следствие, интегральное представление о человеке будет складываться через единство Истины, Красоты и Добра. Спасти человека, не достигшего этого единства и по сей день,

может только производство и аккумуляция неэгоистической любви к другому человеку и человечеству. Только доброта, неэгоистическая творческая любовь могут положить конец агрессии, враждебным отношениям, умиротворить конфликты.

К сожалению, при осуществлении реформ в России вопрос о Добре никогда не ставился. В переводе с «сорокинского» языка на русский речь идет о гуманности путей и средств для достижения поставленных общественных целей, об их адекватности природе человека и, конечно, их определенном соответствии сложившимся ранее ценностям, нормам и поведению россиян. Представляется, пишет С.А. Кравченко, что предание забвению фактора доброты имело своим следствием сугубо прагматический подход к экономическим и политическим преобразованиям, что не только не снижало уровень аномии, апатии и иррационализма, но, напротив, приводило к стимулированию их роста [5, с. 325]. Реформаторы, отталкиваясь от традиций предшествующих периодов, недооценивали важность доброты и ненасильственной технологии решения острых социальных проблем. Им казалось, что сам факт официального отказа от принципов государственной распределительной экономики и ликвидации политического господства коммунистической партии, едва ли не автоматически высвободит творческую энергию миллионов россиян, сделает их готовыми к взаимному сотрудничеству в условиях демократических преобразований и зарождающихся рыночных отношений [5, с. 325]. Просчет состоял, скорее всего, в том, что при реформировании общества имела место абсолютизация рационально-интеллектуального фактора, и до известной степени игнорировалось значение бессознательных рефлексов, сохраняющих свою деструктивную силу. Вдобавок образцы реформаторской деятельности, имевшие своей целью внедрить «положительные» принципы рыночной экономики, сопровождались репрессивными акциями в отношении «отрицательных» образцов административно-командной экономики, еще недавно опиравшейся на поддержку большого числа адаптировавшихся к ней производителей разного уровня.

Журнал «Искусство кино» опубликовал в 1998 г. несколько статей немецких интеллектуалов о долгожданном и выстраданном немецкой нацией воссоединении двух разрозненных частей страны. Основные идеи этих авторов заключаются в следующем. Общество оказалось не готовым к объединению. Одни платят «взнос солидарности» (дополнительный налог на реформирование жизни в восточной части Германии), вторые сгибаются под бременем обрушившихся на них проблем. Все вместе взятые только теперь увидели истинную сложность воссоединения страны, на пути которого встало тоталитарное понимание свободы (отсутствие нищеты и безработицы) и нежелание восточных немцев смириться с необходимостью решать самостоятельно важнейшие вопросы выживания. Свобода творит неравенство, именно этим она и страшит «осси», как называют теперь бывших граждан ГДР. «Люди испытывают культурный шок, который предполагает десяток определенных психических реакций: стресс из-за того, что от человека требуют приспособляемости и связанных с нею поступков, страх потерять работу, статус и имущество, ощущение, что от тебя отворачиваются новые господа, непонимание собственной роли, ценностей и идентичности, негодование по по-

воду масштабов культурных различий, наконец, чувство бессилия, поскольку человек не в силах справиться с новой ситуацией» [7, с. 66]. В споре о западных ценностях западногерманские интеллектуалы участия не принимают. Восточная же Германия стала пространством, на котором развернулась культурная война, разделяющая друзей, семьи и партии. Речь идет, прежде всего, о конфликте между свободой и равенством. «Восточные немцы родом из контролируемой государством культуры уравниловки, где слесарь и профессор медицины жили на одной площадке панельного дома. Уничтожение этого «равенства маленьких людей», осознание того, что коллега, с которым состоишь в приятельских отношениях, поднимается по ступеням нового общества, а сам ты отстаешь – одно из самых сильных потрясений после объединения» [8, с. 78].

Дать аналитическое объяснение этому явлению позволяет закон позитивной и негативной поляризации П. Сорокина [6, с. 125–150]. В периоды радикальных экономических, политических, социокультурных происходит расслоение общества. Одна его часть дезинтегрируется, становится склонной к социальной анонии; другая, напротив, стремится к консолидации усилий, к обновлению всех сфер жизнедеятельности путем морального возрождения и демонстрации доброты, обеспечивая тем самым не только самосохранение, но и обновление общества в целом. Похоже, что до сей поры наши политики не принимали во внимание взаимосвязь позитивной и негативной поляризации общества, видимо, самоуверенно рассчитывая на безусловную поддержку их реформаторских намерений со стороны большинства населения. Остается неясным, почему все радикальные преобразования авторитарного толка осуществлялись в России заметно быстрее по сравнению с нынешними реформами, которые изначально опираются на либеральный регламент. Предлагаемый нами ответ состоит в следующем. Возможно, что постсоветская культура имеет весьма небольшой опыт независимого существования, а ее ресурсы для осуществления радикальных преобразований, в первую очередь связанных со становлением рыночных отношений и демократии, являются пока ограниченными. Для доказательства этого положения рассмотрим культуру как «предоставленную самой себе».

Культура как независимая переменная

Концепция бинарных оппозиций. Независимому свободному пониманию культуры посвятил свою книгу «Культура Два» В. Паперный. Оно опирается на идеи творца структурной антропологии К. Леви-Стросса и введенные им понятия «горячей» и «холодной» культуры. Первая из них – «вся сосредоточена на открытии необычного, для нее главное – не повторить уже пройденное»; вторая – «занята учреждением Олимпа», ценности которого постоянны» [9, с. 5]. Их противоборство, конфронтация лежит в основе развития. Не столько вожди или иные влиятельные персонажи двигают культуру в ту или иную сторону, сколько само движение оказывается первичным по отношению к усилиям отдельных людей, ибо «существует нечто, что совершает такое движение, играя побуждениями и интересами людей, давая им при этом ощущение свободы» [10, с. 17]. Предложив считать это нечто культурой, В. Паперный представил ее как бинарную оппозицию двух культур – К1 и К2, лидирующие свойства которых связаны: для К1 – с превышением значения периферийных ценностей над центральными (ситуация, при которой об-

щество «растекается»), для К2 – с перемещением ценностей в центр (ситуация, когда общество застывает, кристаллизуется) [10, с. 20]. Многие процессы культурной истории СССР оказалось возможным описать в терминах чередования и борьбы этих двух составляющих культурного развития.

Приведем несколько небольших примеров из рассуждений В. Паперного. Манифестом К1, сконструированной на образцах (паттернах) 20-х годов, было провозглашение разрыва с прошлым. Новая культура хотела быть точкой, откуда все начинается заново и на пустом месте. Горечь понесенных при этом утрат наполняло сердце культуры радостью. «Во имя нашего Завтра – сожжем Рафаэля», – провозгласит пролеткультовский поэт В. Кириллов, которого мы цитировали выше. Маяковский подарит ему за это книгу, подписавшись «однополчанину по битвам с Рафаэлем». Еще один императив К1 – нетерпение в ожидании наступления будущего. Не в пример этому К2, сконструированная на образцах 30-х годов, отодвигает будущее. Здесь начальный момент был уже не исходной точкой истории, а скорее ее завершением, финалом. К2 ничего не сжигала, но превращала созданное в памятники истории. Краткий курс истории ВКПб как канонический документ сталинской эпохи по праву должен считаться ее порождением и олицетворением [10, с. 41–60].

К1 навсегда освобождала себя от покоя. «Земля дыбом» – было ее идеалом. Отсюда ее нестабильность: после революции сменился даже календарь. К2, напротив, несла в себе меры против расползания населения страны (учет специалистов, взыскания за «переманивание» рабочей силы, борьба с ее текучестью, введение паспортов, учет специалистов с высшим образованием, трудовые книжки, запрет на самовольный уход с работы и, как венец творчества, отдача под суд за 20-минутное опоздание на работу) [10, с. 60–72].

К1 пыталась заигрывать с либерализмом. Первоначально слово «заграничный» в К1 имело положительный оттенок: декрет правительства «Об улучшении быта ученых» (1919 г.) разрешал свободный выезд за границу для ученых и получение оттуда книг. Но К2 вступила в борьбу с этими вольностями, уже в 1926 г. новый декрет установил для граждан, окончивших высшие учебные заведения за границей, специальные испытания по общественному делу. Еще одним декретом (1927 г.) повелевалось сократить заграничные командировки. В 1929 г. командируемым лицам запретили изменять по своему усмотрению установленный для них маршрут. В постановлении ВЦИК (1934 г.) указано, что бегство или перелет за границу считаются изменой и караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом [10, с. 72–99].

Главный вывод В. Паперного состоит в том, что консерватизм К2, сконструированной на советских культурных образцах 30-х – 50-х годах, побеждает радикализм К1, сконструированной на образцах 20-х годов. Вся последующая история вплоть до начала перестройки проходила в условиях авторитарного политического режима и была демонстрацией если не торжества, то живучести механизмов внеэкономического принуждения, на базе которых возникла коррозия плановой экономики и замена ее теневой экономикой как системой. Естественно, что никакая конкуренция, будь то политическая или экономическая, при этом не допускалась. Социальная система (СССР) в целом продолжала существовать и в последние годы своей жизни обладала

уникальной поддерживающей культурой К2, которая умела гасить дестабилизирующие тенденции и не знала до поры до времени поражений. Ее еще предстоит заново переоткрыть. Ведь в периоды социальных сдвигов важно отслеживать не только и не столько то, что меняется, сколько то, что остается неизменным.

Дискуссия вокруг концепции бинарных оппозиций. Оппозиция К1 и К2 проливает свет на многое в культурной истории СССР. Это позволяет двигаться дальше и по аналогии представить постсоветскую культуру состоящей из двух компонент: культуры «разрешающей», поддерживающей изменения (революция, модернизация, контакты с миропорядком, построенным на основе либеральных идей, конвергенция мировых социальных систем), и культуры гасящей, запрещающей эти изменения. Каждая из них в современной России представляет соответственно: К1 – культурную силу, отражающую реальность и символизирующую обновление, развитие широко понимаемой жизненной среды; К2 – культурную силу, не только уклоняющуюся от реальности и табуирующую это обновление, но и выступающую в роли социально-культурного тормоза по отношению к радикальным социальным переменам [11, с. 17].

Такая аналогия не противоречит первоначально принятому определению К1 и К2 и потому позволяет рассмотреть процесс их взаимного притяжения и отталкивания в условиях, когда российское общество становится плюралистичным. И потому остается открытым вопрос о том, какая из этих культурных компонент одержит верх в контексте полистилистической культурной организации с эзотеричностью ее стилей, культурных форм и культурных групп.

Отталкивание и притяжение К1 и К2 позволяют, в частности, понять причины, в силу которых общество в период кризисов неизменно обращается к социокультурным традициям. Названные ветви культуры существуют в разном времени [12, с. 53–56]. К1 использует иллюзию ускоренного политического времени, проявляет нетерпеливость в стремлении приблизить желанный результат, прибегая к мифологии ускорения, подкрепленной завораживающими числами – 20 лет на построение коммунизма в одной отдельно взятой стране, 500 дней на осуществление базовых экономических преобразований для перехода к рынку с человеческим лицом и т. д. К2, напротив, апеллирует к социально-культурному времени. Помимо того, что это время будет отличаться большей длительностью, его ритмы окажутся более «привычными», опирающимися на опыт предшествующих поколений, сложившиеся традиции. Отсюда только совпадение ритмов политической и культурной жизни дает возможность обществу обрести «второе дыхание», испытать состояние подъема основных сфер жизнедеятельности. В этом случае традиции не противостоят политическим целям, а, напротив, служат им.

Здесь будет уместным сослаться на один пример, предложенный отечественным культурологом Д. Дондуреем. «Экономика Германии, – писал он, – стала мощной не только благодаря принятым бундестагом хорошим законам, но и, в частности, потому, что немцы в час ночи будут дисциплинированно стоять у светофора и под страхом смерти не перейдут пустую улицу на красный свет» [11, с. 15]. Русские на западных немцев не похожи. Но у них есть одно «культурное преимущество» – они, в отличие от дисциплинированных

«весси», знают, куда надо двигаться, когда тебя посылают «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что», и умудряются возвратиться с добычей [11, с. 15]. Для решения этой задачи не требуется знание рыночных идей. Кажется, что в этом случае они окажутся вредными, ибо российская экономика остается, по выражению одних, Бермудским треугольником, по мнению вторых, зазеркалем, существующим в соседстве с законом, на грани закона, или вне закона, когда сам закон принимается не столько для соблюдения, сколько для совершения «нормированных нарушений». В итоге поиск «незнамо чего» будет связан с затратами нервной энергии, страхами, рискованными импровизациями и патовыми ситуациями, привлечением «своих» и т. д.

Знать назубок правила уличного движения не то же самое, что среди ночи стоять на перекрестке абсолютно пустой улицы в ожидании зеленого света светофора. Мифы современной российской культуры, которые так или иначе обслуживают реформаторские устремления общества и государства, остаются оторванными от своей физической основы, они не становятся привычкой и продолжают функционировать, будучи лишенными деятельностного субстрата. Они не приобретают свойства канона, вобравшего в себя некоторый идеал отношения к миру, и, как следствие, переходят в систему идей (в идеологию). Система эта по-прежнему обладает некоторой властью над людьми, но она живет по законам политики, опирается на институты власти и требует организованного насилия (индоктринация идей). Теперь это уже не канон, который заявит о себе на инстинктивном уровне (как в случае с дисциплинированным немцем), а иллюзия, самообман и даже заведомая ложь, к которой по инерции приходится прибегать в условиях российской доктринальной безысходности и дефицита новых языковых средств, работающих на идею ускоренного реформирования общества.

Вообще, по замечанию Д. Шалина, русская культурная традиция страдала и продолжает страдать от переоценки символического и недооценки телесного. Наша российская культура останавливается в нескольких шагах от симбиоза физиологического, поведенческого, эмоционального, интеллектуального, социального. В ней часто оказывается недопредставленными один или несколько из числа названных элементов [13, л. 4].

Современная борьба бинарных оппозиций. В нынешних условиях К1, несмотря на все недостатки предлагаемых радикальных реформ на базе либеральных идей, все-таки олицетворяет собой общественно необходимые изменения.

К1 предстает скорее многозначной, чем запутанной, вследствие переплетенности влияний, которые испытала на себе русская культура (США, Западная Европа, Польша, Литва, Золотая орда, Византия). Это предполагает в ней двоемыслие, юродство, иронию, иначе говорящий не мог бы себя услышать в волнах чужой речи. Правда к этим формам сопротивления К1 относится достаточно терпимо, подчеркивая талантливость народа, его образованность, эмоциональную отзывчивость и религиозную терпимость [13, л. 8].

Как уже говорилось, К1 принимала участие в процессе введения рыночной экономики «сверху», едва ли не путем декретов, в то время внутри К1 отсутствовали необходимые юридические, этические, технические, организационные предпосылки (правила, установления, стимулы и регуляторы). Ввод в действие полноценной рыночной структуры не состоялся. Более того, из-за отсутствия предпосылок этот ввод оказался отложенным. То, что суме-

ла предложить в сфере экономики К1, может быть обоснованно названо хаотичным, неясным, невнятным. «Принято думать, – пишет Л. Невлер, – что она будет развиваться в сторону рыночных механизмов и отношений. Наблюдения показывают, что это необязательно так» [14, с. 26]. Согласно его мнению, «социальное бессознательное» может утянуть нас в сторону двойственной, родной нашей экономики с преобладанием латентных механизмов.

К2, верная своему предназначению (тормозить слишком радикальные изменения исходя из необходимости сохранения статус кво, а также дать время для усвоения азбуки ведения рыночного хозяйства), ведет сложную игру с императивами К1. Вектор этой игры остается непостоянным как по своей величине, так и по направлению. Неудача в становлении рыночной экономики ведет к отмене критики прошлого, усилению пропаганды антирыночных ценностей, распространению этических императивов солидарности бедных, конверсии социалистических мифов в общечеловеческие, возрождению стереотипов социализма, а также попыткам реинкарнации, казалось, безвозвратно ушедшей в прошлое системы. Когда Г. Зюганова, лидера КПРФ, американцы спросили, чем он может объяснить мгновенный развал партии, состоявшей из восемнадцати миллионов коммунистов, он ответил, что в нынешней КПРФ шестьсот тысяч и она сильна как никогда [15, с. 180].

Отметим, что пока К1 не несет в себе явных признаков демократического темперамента (J. Dewey), без которых демократические институты не пускают корней, или, пустив корни (как это имело место в пореформенной России), болезненно приживаются. Демократия воплощается в законодательных актах, и, что очень важно, в чувствах и привычках членов общества. Этому предшествует усвоение либеральных идей. Но население в своей массе по-прежнему не имеет развитых представлений о демократии, в частности, предпочитает пассивные социально-экономические права, существовавшие при коммунистах, особенно на образование, социальное обеспечение (64%) и хорошо оплачиваемую работу (49%); при этом невысоко ценятся свобода слова (18%) и право на получение информации (8%). Налицо когнитивный вакуум. Знания, которые могли бы лечь в основу практической ориентации, у многих людей отсутствуют [16, с. 15]. Примерно такая же размытость представлений о правах была обнаружена двадцать с лишним лет назад при изучении отношения работающего населения Ленинграда к проекту Конституции брежневской эпохи. Меняются названия Основного Закона – Конституция победившего социализма (1936), Конституция развитого социалистического общества, строящего коммунизм (1977), Конституция победившей демократии (1992) – но грех российского неведения остается не отмоленным.

По всей видимости, наряду с промышленной, необходима социально-психологическая модернизация. Иной раз ее охватывают понятием «цивилизирующего процесса» (N. Elias), который начинается с хороших манер, приводит к интеллигентности (порядочности), включающей в себя участие индивида в воспроизводстве демократических эмоций, и как бы завершается практическими действиями по созданию условий, позволяющих всем и каждому быть активным субъектом демократического процесса.

Задача К2, в частности, состоит в определенной дискредитации новых субъектов (акторов) исторического процесса – новых русских и демократов. Здесь следует отметить расцвет закулисных игр, политического шантажа,

компромата, подкупа политических оппонентов и их сторонников, появление новых избирательных технологий. Уже один перечень этих явлений говорит сам за себя. Коррупция и фальшивая статистика переместились из экономической в политическую сферу; теперь эти феномены – органическая часть современной политической культуры, что убедительно подтверждено перипетиями борьбы за места в органах власти. «Белая книга» этой борьбы могла бы многое объяснить в развитии постсоветской культуры. Это развитие все сильнее зависит от качества культуры, поддерживающей реформы, и сопротивления, которое ей оказывает культура контрреформ.

Итак, К1 (акселератор изменений) и К2 (тормоз изменений) находятся в некотором пока не нарушаемом соотношении, которое гасит усилия, связанные с реформированием российского общества. Идет ли в этом случае речь об особом жизнеустройении России, препятствующем ее обновлению, или, напротив, иррационализм здесь не при чем, поскольку имеются шансы на изменение направления и величины вектора исторического процесса? Время и его атмосфера призывают к поиску рациональных решений для преодоления кризисов с различной временной протяженностью. Именно поэтому мы не поддадимся соблазну и не станем ссылаться на Бермудский треугольник – живучесть язычества, непостижимость России, ее не подвластность уму иностранного Запада.

* * *

Представляется, что общество уходит из плена мифов и стремится как бы «переналадить» механизм культуры. Обошлось же без мифов диссидентское движение 70-х годов. Действуя в рамках единого информационного поля, фактически созданного путем нелегальной издательской деятельности (Самиздат), это движение стало первой, хотя и далекой от совершенства моделью гражданского общества. Правила игры (поведение) здесь стали культурообразующим фактором. Диссидент имел три несовпадающих круга общения – свою непосредственную среду, личных друзей и окружение на службе. При этом диссидент предпочитал никому не навязывать свои идеалы. В обобщенном виде культура диссидентства – культура поступка, а не нормативного текста. Большинство участников не предполагало никаких реальных последствий своей общественной активности в обозримом историческом будущем. Ферментом их активности был экзистенциальный протест [17, с. 111–124].

Русская классическая литература стремилась развенчать представление о непостижимости России, подвергнув десакрализации едва ли не все установления и институты: «помещиков и чиновников (Гоголь), государство и церковь (Лев Толстой), купечество (Островский), интеллигенцию и крестьянство (Чехов и Бунин), армию (Куприн и Замятин) и т. п.» [18, с. 38]. Этот ряд можно продолжить ссылками на современные произведения. Представляется, что литературный дискурс (проза, поэзия) в своем стремлении понять общество и найти емкие словесные формулы для выражения его истинных, а не мифологических состояний во многом превосходит то, что часто предлагают наука (высокий уровень обобщения и абстракции в описании реальности) и особенно средства массовой информации. Описание реальности на уровне обыденных представлений, «что для всех» на деле являются не бо-

лее чем организованным движением словесной массы. А. Найман в своем исповедальном сочинении сказал весьма примечательную вещь: «Поэт не тот, кто подхватывает его (языка. – Б. Ф.) изменения, а тот единственный, кто знает, каков язык в каждую минуту и чьи знания – закон для говорящей толпы. Он не учит языку. Но как родитель, что-то говорит над колыбелью нации, и через некоторое время языком становится то, что нация усвоила через него и повторяет применительно к своим надобностям. Он – санитар языка, промывает его лепет, косноязычие, очищает от омертвевших гниющих тканей – как дерево, перерабатывающее углекислый газ в кислород» [15, с. 503].

ЛИТЕРАТУРА

1. Из-под глыб: Сб. статей. М. Париж, 1974.
2. *Щербинин А.И.* «С картинки в твоём букваре», или Аз, Веди, Глагол, Мыслете и Живете тоталитарной индоктринации // Полис. 1999. № 1.
3. *Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти. Кн.2. М., 1995.
4. *Сорокин П.А.* Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.
5. *Кравченко С.А.* Оценки процесса реформирования российского общества в свете интегральной парадигмы П.А. Сорокина // Питирим Сорокин и социально-культурные тенденции нашего времени / Материалы к Международному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. М. – СПб., 4–6 февраля 1999 г. М. – СПб., 1999.
6. *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1993.
7. *Хальтер Г.* Вкус свободы // Искусство кино. 1998. № 9.
8. *Хартунг К.* Что Запад не видит на Востоке: Размышления в день объединения // Искусство кино. 1998. № 9.
9. *Иванов В.В.* Предисловие // Паперный В. Культура Два. М., 1966.
10. *Паперный В.* Культура Два. М., 1996.
11. *Дондурей Д.* Кому выгодна эта безнадега? // Знание – сила. 1997. № 9.
12. *Василенко И.А.* Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. 1997. № 9.
13. Неопубликованное письмо Д. Шалина Д. Дондурею (1998 г.). Цитируется с разрешения Д. Дондурей.
14. *Невлер Л.* Тезисы о плутовской экономике // Знание – сила. 1997. № 9.
15. *Найман А.* Славный конец бесславных поколений. М., 1998.
16. *Дилигенский Г.* Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et contra. Т.2. № 4. Осень 1997.
17. *Даниель А.Ю.* Диссидентство: Культура, ускользающая от определений // Россия // Russia. Вып. 1 (19). М., 1998.
18. *Кантор В.К.* О национальном мифе непонимания // Вопросы философии. 1997. № 2.